

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное

учреждение высшего образования

«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени В. И. Вернадского»

Таврическая академия

(структурное подразделение)

Факультет крымскотатарской и восточной филологии

кафедра крымскотатарской филологии

АДЖИМУРАТОВА ЗАРЕМА НАРИМАНОВНА

**ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ И ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКА**

КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Учебно-методическое пособие

для обучающихся по направлению подготовки

45.03.01 ФИЛОЛОГИЯ (крымскотатарский язык и литература)

Симферополь, 2020

УДК 811.512.19'373.42 (076)

Рекомендовано к печати Учебно-методическим советом ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» протокол №

___ от _____ 2020 года

Рецензенты:

Меметова Эдие Шевкетовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Саттарова Зера Мамбетовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания факультета крымскотатарской и турецкой филологии НТБ ГБОУВО РК «КИПУ им. Ф. Якубова».

Учебно-методическое пособие по дисциплине «Звукоизобразительная лексика крымскотатарского языка». – Симферополь. 2020. – 48 с.

Учебно-методическое пособие включает в себя теоретический материал, необходимый для подготовки к практическим занятиям, для использования при написании контрольной работы, самостоятельной работы. А также критерии оценивания, вопросы для подготовки к зачёту, список рекомендуемой литературы по дисциплине «Звукоизобразительная лексика крымскотатарского языка». Предназначено для обучающихся 2 курса дневной/заочной формы обучения направления подготовки 45.03.01 Филология

© Аджимуратова З.Н., 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	Ошибка! Закладка не определена.
1. История изучения звукоизобразительности. Первые представления по проблеме звукоизобразительности	Ошибка! Закладка не определена.6
2. Мотивированность слова.....	10
3. Звукоподражания с психологической точки зрения.....	11
4. Отличие звукоподражаний от наречий и междометий.....	12
5. Фонетико-морфологический анализ звукоизобразительных корней и основ.....	О
шибка! Закладка не определена.	
6. Роль модификаторов в составе звукоизобразительных основ	Ошибка! Закладка не определена.
7. Метатеза и вариативность звукоизобразительного корня.....	Ошибка!
Закладка не определена.	
8. Редупликация звукоизобразительных слов.....	Ошибка!
Закладка не определена.	
9. Типология звукоподражательных корней	Ошибка!
Закладка не определена.13. Способы перевода звукоподражательных слов	Ошибка! Закладка не определена.
Критерии оценивания обучающихся.....	38
Вопросы к зачёту.....	42
Рекомендованная литература.....	43

ВВЕДЕНИЕ

Учебно-методическое пособие содержит теоретический материал, направленный на освоение образовательной программы бакалавриата обучающимися направления подготовки 45.03.01 ФИЛОЛОГИЯ (крымскотатарский язык и литература) при изучении дисциплины «Звукоизобразительная лексика крымскотатарского языка».

Изучение курса формирует у будущих специалистов крымскотатарского языка и литературы умение ориентироваться в фоносемантических процессах языка; выявлять фоносемантические этимоны, определять звукоподражательные и звукосимволические слова в крымскоататарском языке, определять синтаксическую роль звукоизобразительных слов, изучить историю и теоретическую основу явления звукоизобразительности, знать особенности перевода звукоизобразительных основ.

В результате освоения дисциплины студент должен знать теоретические основы, историю изучения и причины возникновения звукоизобразительности, определять отличия между звукоподражательной и звукосимволической подсистемами языка, знать классификацию звукоподражательных и звукосимволических слов в крымскотатарском языке; уметь работать с понятийно-терминологическим аппаратом дисциплины, выявлять звукоизобразительные слова из текстов художественных произведений; знать фонетическую, морфологическую структуру звукоизобразительных корней и сонов, выявлять синтаксическую роль звукоизобразительных слов в художественных произведениях, владеть основными методами анализа звукоизобразительных слов, изучить способы перевода звукоизобразительных слов.

Проблема явления звукоизобразительности, её природа и связь звука и значения всегда представляли интерес для научных исследований.

Под звукоизобразительными словами мы понимаем звучание окружающих вещей, предметов и явлений, подражание звучанию (звукоподражательная лексика), психические и душевные впечатления от вещей и их звучания (звукосимволическая лексика).

Звукоизобразительные слова в лингвистике называются по-разному: звукоподражания, идеофоны, подражательные слова, мимемы, изобразительные слова, имитативы, звукоизобразительные слова, ономатопы, звукосимволизмы и т. д.

Звукоизобразительная система крымскотатарского языка подразделяется на звукоподражательную и звукосимволическую подсистемы.

Звукоподражательные слова или ономатопы – это слова, звуки, производимые людьми и отражающие звуки окружающего мира. Эти языковые знаки основаны на слуховом восприятии человека и отражают звуки окружающей действительности с помощью фонем (*такъ-, шыр-, хур-*).

В отличие от звукоподражательных слов, признаки номинации звукосимволических слов не имеют четких границ. В этом случае признаками номинации могут служить те или иные свойства или качества, информацию о которых мы получаем через органы зрения, обоняния, осязания, вкус или органические ощущения. В качестве таких объектов чаще всего выступают: движение (с учетом его характера и скорости), форма предметов, свет, душевное состояние, размер, удаленность, звуковые явления речевого аппарата и так далее (*лап-луп, къап-, йыл-тырамакъ*). Значит, при определении объектов звукосимволической номинации наиболее последовательным является сенсорный принцип.

1. История изучения звукоизобразительности.

Первые представления по проблеме звукоизобразительности.

Название предмета, явления действительности нераздельно связано с этим предметом, явлением, оно является носителем его свойств.

Люди издавна начали заниматься изучением звукоизобразительности. Первые исследования вопроса о связи звука и значения встречаются в древнеиндийских ведах. В Древней Индии были уверены в том, что существует изначальная связь между вещью и ее наименованием.

С древних времён стали задаваться вопросом происхождения языка, имеют ли слова свои значения вследствие вмешательства человека или вследствие их естественного происхождения, от природы. В Древней Греции философы, сторонники двух противоположных направлений: идеалистического и материалистического, положили начало спору, где обсуждался вопрос о связи между предметами и явлениями действительности и их наименованиями. Этот вопрос не потерял свою актуальность и в наши дни. Платон утверждал, что «имя есть выполнение, осуществление идеи названия в звуке» и вещи обладают своей собственной природой, и поэтому их нельзя называть так, как нам вздумается. Демокрит придерживался другой точки зрения. Он считал, что язык создали сами люди. Люди создали для себя способ сообщения обо всем, устанавливая знаки для обозначения предметов.

Теория звукоподражания идет от одного из распространенных направлений древнегреческой философии – стоицизма. По теории звукоподражания слова стали возникать от стремления людей подражать звукам окружавшего мира – звукам, которые мы слышим в результате движения предметов и явлений действительности, прикосновения к предметам, ударов, шумов, производимых различными предметами и явлениями, шуму ветра, звукам воды, крику птиц, реву зверей и так далее.

Звукоподражания только приблизительно передают звуки окружающего мира, так как звуки окружающего мира нельзя свести к звукам языка. Человек не способен в точности воспроизвести звуки окружающей действительности. Звуковой состав каждого языка обладает своей уникальностью, но не полностью соответствует естественным звукам природы. Каждый язык по-своему осваивает и воспроизводит звуки, звучания явлений окружающей действительности. В разных языках подражание звукам одного и того же предмета, явления, действия происходит по-разному. Например, в крымскотатарском языке крик петуха передаётся как *кокареккок*, в русском – *ку-ка-ре-ку*, во французском – *кирико-ко*, в армянском – *кук-ли-ку*, в английском – *кок-э-дудль-ду* и так далее.

В XVIII в. звукоподражательную теорию поддержал знаменитый немецкий ученый В. Лейбниц, который считал, что образование слов – результат соединения нескольких факторов: звучания окружающих вещей, предметов и явлений; психических и душевных впечатлений от вещей и их звучания, подражания звучанию. Лейбниц делил звуки на сильные, шумные (напр., звук «р») и мягкие, тихие (напр., звук «л»). Согласно гипотезе Л. Нуаре, древний человек подражал звукам, сопровождающим его трудовую деятельность. Современные же слова в результате случайных искажений, комбинаторных изменений отошли от их первоначального звучания и оригинального значения.

Ч. Дарвин в своей книге "Происхождение видов" указывал на возможное происхождение языка путем звукоподражания. Подражание играет важную роль в имитации звуков окружающей действительности. Звуки, свойственные человеку, могут быть освоены только при наличии развитого слуха и речедвигательных органов.

Немецкий психолог и лингвист Г. Штейнталь считал, что происхождение языка возникло стихийно, в то время, когда происходило развитие человека и его сознания. По мнению Г. Штейнталя, сначала слова произносили во время совместной работы или отдыха людей. Кто-то

произносил набор звуков, который использовался как сигнал для совместных действий (например, при охоте на диких животных). Остальные повторяли этот звукокомплекс, закрепляя его в коллективном сознании уже как обозначение определенного предмета, явления или действия.

Изучение звукоизобразительности в отечественном языкознании.

Звукоподражательная теория тесно связана с проблемой происхождения языка, с вопросом связи звука и значения. Многие ученые-лингвисты занимались вопросом о внутренней связи звука со значением. В отечественном языкознании к таким учёным относятся В. Воронин, А.М. Газов-Гинзберг, А. П. Журавлев, В. В. Левицкий и др.

В отечественном языкознании лишь в последние десятилетия усилился интерес к проблемам звукоизобразительности. Исследователь С.В. Воронин внёс существенный вклад в развитие фоносемантики как науки. В «Основах фоносемантики» (Л., 1982) автор значительное внимание уделяет теоретическим вопросам звукоизобразительности. Автор явление звукоподражания понимает как «закономерную непроизвольную фонетически мотивированную связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом), как условную имитацию звучаний окружающей действительности фонетическими средствами языка». С.В.Воронин также ввёл 21 категорию фонотипа как базовую категорию фоносемантики. На основе его классификации были проведены исследования в русском, индонезийском, башкирском, лезгинском, осетинском, эстонском, грузинском, немецком языках. В результате этих исследований учёными было установлено, что звукоизобразительные элементы различных языков обладают сходством на уровне фонем или фонемотипа.

Звукоизобразительную систему чувашского языка одним из первых описал профессор Н.И. Ашмарин, он также ввёл понятие «мимемы». Автор отмечал: «Несходство однозначных подражаний в языках может иногда

объясняться и той причиной, что один народ воспринял слуховую (акустический тип подражания), а другой – зрительную сторону явления (зрительный тип подражания)».

В тюркских языках подражательные слова дальнейшее изучение получили в трудах Н. К. Дмитриева. В казахском языкознании изучением звукоизобразительности занимался К.Ш. Хусаинов. Звукосимволизм и подражательные слова в турецком языке изучали А. Н. Кононов, М. Биттнер, Х. Марчанд, Х. Зульфийяр, А.В. Краснова и другие. Турецкий учёный Х. Зульфийяр в своем исследовании анализирует около 4000 слов звукоподражательного происхождения, описывая их звуковую и грамматическую структуры. Э. В. Севортян квалифицирует около 1/4 части всех этимологизированных слов в своём «Этимологическом словаре тюркских языков» как звукоизобразительные. Н. А. Баскаков подробно останавливается на анализе мимем каракалпакского языка. Подражательные слова рассмотрены и в других тюркских языках: азербайджанский, башкирский, якутский, киргизский, туркменский, узбекский.

В исследованиях С. В. Воронина, А. М. Газова-Гинзберга, Г. Е. Корнилова освещены общие проблемы звукоизобразительности. А. М. Газов-Гинзберг в книге «Был ли язык изобразителен в своих истоках?» анализирует звукоизобразительные корни более десятка языков, относящимся к четырем неродственным языковым семьям, в том числе семитские языки. Это позволяет автору выдвинуть веские аргументы в пользу отприродной связи звука и смысла при происхождении языка.

Тюрколог А. М. Щербак в своей работе «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: наречие, служебные части речи, изобразительные слова» дает общий обзор и классификацию звукоизобразительных слов в тюркских языках.

В крымскотатарском языке звукоизобразительная лексика описана проф. А.М. Меметовым. З.Н. Аджимуратовой защищена кандидатская диссертация на тему «Звукоизобразительная лексика крымскотатарского

языка».

2. Мотивированность слова.

В современной семасиологии различают три вида мотивированности слова: фонетическую, семантическую и морфологическую.

Фонетическая мотивированность лежит в основе ономатопеической и междометной теорий происхождения языка, например: *ыр-ылдамакъ* 'ры-чать', *ав-улдамакъ* 'лаять', *инь-ильдемек* 'стонать', *уф-юръмек* 'дуть, надувать', *ынь-ылдамакъ* 'выть, реветь', *ик-елемек* 'икать', *ув-улдамакъ* 'выть'; *му* подр. мычанию (коровы, быка, теленка), *мэ (бэ)* подр. бляению (овец, коз).

Семантическая мотивированность определяется наличием образности в словах, которая основана на метафорических, метонимических и других явлениях. Переход от наименования одного предмета или явления окружающей действительности к наименованию другого осуществляется с помощью семантической деривации. Например, в крымскотатарском языке имеются такие примеры: *гуд-юръдемек* 'греть', *дюк-юльдемек* 'стучать', *пат-ламакъ* 'взорваться, лопнуть', *тап-тамакъ* 'топтать', *пыс-ылдамакъ* 'шипеть, шептать', *сын-ырмакъ* 'мести'. Данное явление относится к метатезной вариативности звукоизобразительных корней, то есть взаимоперемещению согласных и образованию данным путём сходных или новых слов.

Морфологическая мотивированность определяется наличием связи между значением слова и его морфологической структурой. Переход одного наименования к другому осуществляется с помощью словообразовательных средств языка, таких как аффиксация, словосложение, повтор, сдваивание разных лексем. Например, *арслан* 'лев', по Г. И. Рамstedту и Э. В. Севортяну, состоит из *арс* – подражательного слова со значением рычать, лаять и аффикса – *лан*;

такътакъкъуш 'дятел' образовано путём сложения подражательной основы *такъ*, которая обозначает звук приглушённого удара по дереву.

Морфологическая и семантическая мотивированность характерны для производных слов, т.е. слов, образованных от других слов. Эти слова возникают вследствие наименований явлений окружающего мира по какому-либо их признаку: свойству, качеству, действию. Таким образом, можно делать вывод, что морфологическая и семантическая мотивированность – это результат того, что слова как наименования явлений создаются на базе других слов, называющих признаки этих явлений. В результате чего связь между мотивированным и мотивирующим словами становится отражением связи между явлениями действительности.

3. Звукоподражание с психологической точки зрения.

По наблюдениям психолога Р. Заззо, подражание имеет огромную значимость у детей в доречевом возрасте, при приспособлении ребёнка к окружающей среде. В этом возрасте речевые реакции имеют огромное значение. Средством для установления связи с внешним миром служит речь, так как с помощью речи ребёнок доводит до сведения окружающих о своих потребностях и нуждах. К системе речевых сигналов ребёнок первоначально прибегает на уровне инстинктов. Речь других людей сначала вызывает у ребёнка ориентировочную реакцию и лишь впоследствии и ответную собственную реакцию. Таким образом, жестикulyция, мимика и другие виды реакций постепенно вытесняются системой звуковых реакций.

Развитие речи ребёнка осуществляется путём подражания и детской активности. Подражанием стимулируется проявление и развитие речевой формы выразительного инстинкта. Благодаря подражанию выразительный инстинкт приобретает форму речи. Путём подражания ребёнок овладевает всей системой звуковых сигналов, которые окружают ребёнка.

Подражание является важным способом адаптации ребенка к языковой среде. По мнению психологов, у детей отсутствует наследственная предрасположенность к родному языку. Следовательно, каждый ребёнок способен овладеть любым языком. Ребенок обучается звукам, словам родной речи только через подражание не несущей смысловой нагрузки речи окружающих его людей.

С точки зрения психологии, подражание звукам окружающего мира играет значимую роль в в длительном процессе происхождения и формирования речи человека, в процессе, когда дети учатся говорить, издают первые звуки.

По мнению Б. М. Юнусалиева, «человек, обладающий таким мощным орудием выражения своих чувств, мыслей, как язык с его членораздельной звуковой системой, при необходимости имеет возможность, хотя бы приблизительно, воспроизвести полученные от внешней среды звуки теми средствами, какие имеются в его фонетическом инвентаре».

Таким образом, человек способен отображать, хоть и приблизительно то, что воспринято органами чувств от внешнего мира, то есть воспроизводить результат своих слуховых ощущений в виде звуковых комплексов, используя фонетическую систему языка.

4. Отличие звукоподражаний от междометий.

Некоторые учёные относят звукоподражательные слова к междометиям. Но следует различать эти понятия. Звукоподражания и междометия имеют ряд отличительных признаков и свойств. Звукоподражания следует отграничивать от междометий, так как междометия представляют собой отдельную часть речи. В толковых словарях звукоподражания не отграничиваются от междометий. Они либо используются с пометкой «междом.», либо объединяются с ними в одной словарной статье.

Междометия и звукоподражания имеют ряд существенных отличий:

1. Одним из основных отличий звукоподражательных слов от междометий является то, что в междометиях наблюдается последовательность: эмоция является причиной – крик – следствием; а в звукоподражательных словах: эмоция – это мысль, понятие – причина, обобщенное звукоизображение – следствие.
2. Междометия выделяются в грамматике как самостоятельная часть речи. Звукоподражательные слова выражаются такими частями речи, как наречие (собственно звукоподражание), глагол, существительное, прилагательное.
В роли наречий выступают собственно-звукоподражания: *такъ-такъ* 'тук-тук', *шап-шап* 'шлёп-шлёп', подр. шлёпанью по воде, хлопанью.
В роли глаголов: *такъылдамакъ* 'стучать', *гудюрдемек* 'греметь', *патламакъ* 'взорваться, лопнуть'.
В роли существительных: *гъагъа* 'клюв', *кукукъкъуш* 'кукушка', *патлав* 'взрыв', *шырылты* 'журчание воды'.
В роли прилагательных: *шыр-сув* 'мокрый', *гурюльтили* 'гулкий, гремучий'.
3. Междометия выражают различные чувства, переживания, волеизъявления и т.д., такие как радость/горе, возмущение/восхищение, не называя их (*ай, вай, ох*). В обозначении этих лексических значений важную роль ситуация речи, интонация, жест, мимика. Звукоподражательные слова типа *хихылдамакъ* 'хихикать', *афырмакъ* 'лаять', *такъылдамакъ* 'стучать' являются подражаниями вполне конкретным естественным звучаниям.
4. Междометия, выражая какие-либо чувства, но не называя их, обычно нуждаются в примыкающем к нему пояснению. Звукоподражательные слова обозначают конкретное явление окружающей действительности, понятны без пояснения.

5. Звукоподражательные слова обозначают естественные звучания предметов и явлений окружающего мира, имеют определенное лексическое значение.
6. Звукоподражательная лексика широко используется в словообразовании: *чынъылдамакъ* 'звенеть', *чанъ* 'звонок', *чанъ* 'колокол', *гъагъа* 'клюв'. Продуктивность междометий в плане словообразования очень невелика.
7. Отличия между звукоподражательными словами и междометиями прослеживаются и в плане их синтаксических функций: звукоподражательные слова несут в предложении определенную синтаксическую нагрузку. В предложении они могут быть такими членами предложения как подлежащее, сказуемое, обстоятельство, определение, дополнение.

Сказуемое: Акъшам устю къапунынъ *чанъы* кене *къакъылды*. (Вечером снова *позвонили* в дверь).

Мында вагон копчеклери гъает кескин ве дешетли *такъырдай*... (Здесь колёса вагонов *гремят* резко и страшно).

Подлежащее: Аваны пулемётларнынъ *тасырдысы* (тарахтение) яра. (Воздух режет пулемётная очередь).

Дополнение: *Бомбанынъ* эр *патлавында* меним чешит ренкли байрам шарларымдан бириси парча-кесек ола. (При каждом взрыве бомб лопаются один из моих праздничных разноцветных шаров).

Определение: Демек, о бугунъ манъа илле бахшыш кетирир: *шатырдагъан* къагъыткъа сарылы «ястычыкъ» шекилинде ишленген карамель конфети. (Значит, он обязательно принесёт мне подарок: карамель, обвёрнутую в *шуршащую* бумагу в форме подушечки).

Обстоятельство: Мына, энди нетиджеси – чий, экши мейваларны *гъарт-гъурт* чайнайым. (Вот результат – *хрустя* жую неспелые кислые фрукты).

Междометия, напротив, грамматически не связаны с членами предложения.

Звукоизобразительные слова характеризуют конкретное явление, действие, звук или образ с ярко выраженной экспрессивностью, придавая эмоциональную окраску всему высказыванию.

У звукоподражательных слов могут развиваться переносные значения, в результате чего они приобретают более абстрактную семантику, утрачивая свой конкретный характер. Звукоподражательное слово употребляется в переносном значении для более образного его выражения, для создания более яркого представления о действии, явлении, предмете.

5. Фонетико-морфологический анализ звукоизобразительных корней

С лексико-морфологической точки зрения звукоизобразительные корни бывают двух видов: корни, имеющие статус самостоятельного слова (собственно звукоподражания), и корни, встречающиеся только в составе какой-либо части речи (чаще всего в составе глагола). В отдельных грамматиках звукоизобразительные слова отнесены к междометиям или наречиям. Однако они имеют ряд релевантных признаков и свойств, отличающих звукоизобразительную лексику от названных частей речи. В плане происхождения они, в отличие от междометий и наречий, имеют совершенно иную мотивационную основу, так как связаны с определенным подражательным звукокомплексом (звукоподражательные слова) и символизирующим элементом (звукосимволические слова). В предложении звукоизобразительные слова семантически связаны с обозначением различных звуков окружающей действительности.

В результате фонетико-морфологического анализа звукоизобразительных корней крымскотатарского языка выявлено три структурных типа: СГ, ГС, СГС (СГСС, СГСГС образованные путем

присоединения модификаторов к структурному типу СГС), где С-согласный, Г-гласный звуки. Они различаются частотностью употребления.

Корни типа СГ морфеме звукоизобразительных слов в крымскотатарском языке употребляются редко (*му* подр. мычанию коровы, быка, теленка, *мэ(бэ)* подр. блянию овец, коз).

Односложные звукоизобразительные корни типа ГС в крымскотатарском языке встречаются в незначительном количестве (*ыр-ылдамакъ* 'рычать', *ав-улдамакъ* 'лаять', *инъ-ильдемек* 'стонать', *уф-юрмек* 'дуть, надувать').

Самым распространённым является структурный тип СГС. Около 70% звукоизобразительных корней в крымскотатарском языке относятся к этому типу (*тук-юрмек* 'плевать', *гуд-юрдемек* 'упасть с грохотом', *дюк-юльдемек* 'стучать'; *пат-ламакъ* 'взорваться, лопнуть', *тап-тамакъ* 'топтать').

В результате фонетического анализа звукоизобразительных корней в крымскотатарском языке были сделаны следующие выводы: для анлаута крымскотатарских звукоизобразительных корней наиболее типичны плоскощелевой *ш* (*шап-*), переднесмычный *т* (*такъ-*), увулярный *къ*, *гъ* (*къыр-*, *гъыр-*), аффриката *ч* (*чыр-*), глухой смычный *п* (*пат-*). В анлауте крымскотатарских звукоизобразительных корней не встречаются такие звуки как *нь*, *ц*, *р*. В инлауте крымскотатарских звукоизобразительных корней наиболее часто встречаются заднерядный широкий, неогублённый гласный *а* (*къап-*), заднерядный узкий, неогублённый гласный *ы* (*шыр-*), и заднерядный узкий огублённый гласный *у* (*гъур-*). В ауслатной позиции звукоподражательных корней крымскотатарского языка чаще встречается сонорный вибрант *р* (*фыр-*), глухой смычный *п* (*тап-*) и глухой увулярный *къ* (*такъ-*).

В плане использования анлаутных согласных *п* и *б* в крымскотатарском языке: частотность глухого согласного *п* выше, чем звонкого *б*. Звукоизобразительная функция анлаутных согласных наблюдается и у смычных *д* и *т* в крымскотатарском языке: в значении подражания

дребезжанию, тархтению и так далее: *тыр/дыр, такь/дакъ*. Филиация значений происходит на основе глухости/звонкости начальных смычных (по признаку вертикальной вариации).

Следовательно, звукоизобразительная функция анлаута, инлаута и ауслаута зависит от акустико-артикуляторных характеристик гласных и/или согласных звуков. Дифференциация значений в случае чередования инлаутных гласных происходит по признаку вертикальной вариации, например: *чинь*- подр. звону высокой тональности (например, колокольчика) – *чань/чынъ*- подр. звону большого колокола, *такь* подр. резкому стуку – *тукь* подр. более приглушённому стуку.

Тип вариативности, представляющий собой взаимное перемещение анлаутного и ауслаутного согласных в корнях, встречается в целом ряде современных тюркских языков в виде соответствующих пар с одинаковыми или сходными значениями. В крымскотатарском языке имеются такие примеры: *пат-ламакъ* 'взорваться, лопнуть', *тап-тамакъ* 'топтать', *пат-ыр-дамакъ* 'трещать, стучать', *тап-ыр-дамакъ* 'топтать'.

6. Роль модификаторов в составе звукоизобразительных корней.

По мнению А. Т. Кайдарова, структура звукоподражательных корней и основ развивалась поэтапно. Первый этап характеризуется тем, что «наидревнейшее, самое элементарное звукопредставление в далеком прошлом, вероятно, реализовалось наличными в каждом языке гласными звуками, так как другой возможности он не имел и не мог иметь». Таким образом, самые простые звукопредставления могли осуществляться нашими предками, возможно, только на основе гласных фонем, которыми владеет конкретный язык.

Несмотря на то, что основной звукоизобразительный корень имеет структуру СГС, в крымскотатарском языке часто встречаются модели СГСС, где последний согласный выполняет функцию модификатора. Количество звукоизобразительных основ с глухим смычным *t* в ауслауте в современных

тюркских языках достаточно велико, что, очевидно, является свидетельством большой продуктивности аффикса понудительности *-т* в древности, например: *гъарт-гъурт* подр. хрусту, *чырт* подр. чирканью спичкой, *шырт* подр. резкому хрусту, шуршанию, треску. Как видно из примеров, модификатор *т* в звукоизобразительных основах передает такие свойства, как отрывистость, краткость, неожиданность звука, резкость, характерные для треска, хруста, взрыва, топота и так далее.

По мнению некоторых учёных, «модификатор *-т* как аффиксальная единица берет свое начало от распространенного в тюркских языках вспомогательного глагола *эт-* 'делать, производить какое-либо действие', с помощью которого и в современных тюркских языках образуется целый ряд составных глаголов», например: *лаф этмек* 'говорить', *такъ-такъ этмек* 'стучать'. Впоследствии аффикс *-т*, несущий в звукоизобразительных основах признаки прерванности, отрывистости, неожиданности звучания с присоединением других аффиксов, образовал сложный аффикс понудительности. Так, в работах Э.В. Севортыяна, аффиксы *-дыр/-тыр*, *-дир/-тир* рассматривается как «сращение древних форм понудительности *-т* и *р*. Таким образом, пройдя путь развития от самостоятельного глагола к вспомогательному, а от последнего к аффиксу (после сокращения последующих аффиксов) модификатор *-т* выполняет в образовавшейся основе звукоизобразительную функцию.

В крымскотатарском языке в основах типа СГСС в качестве модификаторов могут выступать согласные *к/къ* (*шаркъ*), *г/гъ* (*данъгъыр*), *т/д* (*чырт*), *с* (*гурс*), *ч* (*фырч*), *л* (*дынъыл*, *шырыл*), *р* (*шатыр*), то есть согласные *д*, *б* являются звонкими вариантами соответственно глухих *т*, *п* и т.д. Следует отметить, что сонанты *р*, *л* имеют значение множественности, протяженности и интенсивности в самых различных языках мира, в частности в индоевропейских.

Следовательно, в двусложных звукоизобразительных основах крымскотатарского языка на *-(ы) л/-(а) л*, *-(у)л/-(ю)л* (например: *гурюльдемек*

'гремять', *авулдамакъ* 'ляять') сонант *л* выступает в качестве аффикса со значением названия действия, процесса, после которого часто следуют глагольные аффиксы действия *-да/-де/-та/-те, -а, -ла/-ле*.

Звукоизобразительная функция сонорного *р* более полно проявляется при сравнении подражательных слов с чередующимися *-р* и *-л*: *шакъылдамакъ* 'хохотать' – *шакъырдамакъ* 'хрустеть, трещать', *пысылдамакъ* 'шептать' – *пысырдамакъ* 'шептать, «трещать»', *такъылдамакъ* 'стучать' – *такъырдамакъ* 'стучать, тархтеть'. Как видно, сонанты *л* и *р* при грамматической однозначности в обозначении продолжительного, многократного действия в звукоизобразительном плане различны, то есть служат фоносемантическими модификаторами, в основном, разных значений.

В семантическом плане функция модификаторов заключается в передаче таких особенностей передаваемого звука, как продолжительность, многократность, прерывистость, резкость, краткость, неожиданность явления. Передача данной характерности звука в подражательной основе достигается за счет акустико-артикуляторных признаков модификаторов – краткости, отрывистости, смычности согласных звуков. Следовательно, эти качества согласных во вспомогательных глаголах, в аффиксах способствовали тому, что эти грамматические категории впоследствии стали модификаторами.

Кроме выражения краткости, отрывистости, прерывности движения модификаторы звукоизобразительных основ обозначают и конкретные особенности звуков.

Широко распространённые модели в большинстве случаев характеризуются устойчивостью и постоянством, что говорит об их значительной древности.

7. Метатеза и вариативность звукоизобразительного корня.

В древний период словообразование посредством метатезы было достаточно активным, хотя словообразование фонологическим путем нехарактерно для современных тюркских языков. В древних тюркских

языках словообразование происходило посредством фонетических изменений, в результате которых произошел переход тюркских языков от аморфного строя к агглютинативному.

В тюркских языках отмечаются случаи внутриязыкового и межъязыкового соответствия и чередования гласных и согласных звуков. Тип вариативности, представляющий собой взаимное перемещение анлаутного и ауслаутного согласных в корнях, встречается в целом ряде современных тюркских языков в виде соответствующих пар с одинаковыми или сходными значениями.

В крымскотатарском языке такие пары согласных могут подвергаться взаимной перестановке: *г – д, д – к; п – с, с – п; п – т, т – п; в – з, з – в; кь – ч, ч – кь; ф – ш, ш – в; п – ш, ш – п*. Например, *гуд-юрьдемек* 'греть' – *дюк-юльдемек* 'стучать'; *пат-ламакь* 'взорваться, лопнуть' – *тап-тамакь* 'топтать'; *пыс-ылдамакь* 'шипеть, шептать' – *сын-ырмакь* 'подметать'; *патыр-дамакь* 'трещать, стучать' – *тапыр-дамакь* 'топтать'; *выз-ылдамакь* – *зув-улдамакь* 'жужжать'; *кьачыр-кьучыр* – *чакь-чакь* 'трещать'; *фыш-ылдамакь* – *шув-улдамакь* 'шуметь (о воде), бурлить'.

Эти согласные, отличающиеся друг от друга по месту и способу образования, при перестановке могут подвергаться озвончению, либо сохраняют исходную форму. С точки зрения семантики происходит определенная филиация значений, в результате которой значения одних корней и основ идентичны, не меняются (*выз-ылдамакь* – *зув-улдамакь* 'жужжать'), значения, которых близки друг к другу, сходны (*патыр-дамакь* 'трещать, стучать' – *тапыр-дамакь* 'топтать', *кьачыр-кьучыр* – *чакь-чакь* 'трещать'), значения которых несколько отдалены (*фыш-ылдамакь* 'шипеть, трещать, хрустеть, брызгать' – *шув-улдамакь* 'шуметь (о воде), бурлить', *пат-ламакь* 'взорваться, лопнуть' – *тап-тамакь* 'топтать'), значения различны, иногда логически сопоставимы (*пыс-ылдамакь* 'шипеть, шептать' – *сын-ырмакь* 'подметать', *гуд-юрьдемек* 'греть' – *дюк-юльдемек* 'стучать'). Таким образом, в результате перемещения звуков может происходить

определенная филиация значений, которая способна привести к значительным семантическим различиям.

В приведенных примерах перемещению подвергаются многие согласные с самыми различными дифференциальными признаками, более приемлемым объяснением природы данного явления необходимо признать гипотезу, основанную на закономерностях психики восприятия звука либо звукокомплекса, то есть данное явление обусловлено объективными закономерностями рецепторного поведения человека.

8. Редупликация звукоизобразительных слов.

Одним из признаков звукоизобразительных слов и критериев их идентификации является редупликация, широко распространенная в тюркских и других языках. По словам В.И. Цинциуса, редупликация используется не только как способ формообразования, но и как способ словопроизводства. Удвоению подвержены все разряды знаменательных слов. Повтор слов несет различную нагрузку, служит для выражения особых значений (интенсивности, многократности).

По способу образования повторы в крымскотатарском языке делятся на несколько типов: 1) чистые повторы или повторы, образованные путем повторения слова без каких-либо фонетических изменений; 2) редуцированные повторы, представляющие собой варьирование одного и того же слова путем изменения гласного или согласного звука в одном из компонентов; 3) аффинированные повторы или повторы, к компонентам (к первому, второму или к обоим) которых прибавляются падежные аффиксы или различные грамматические форманты; 4) лексикализованные повторы, то есть повторы, претерпевшие полную или частичную лексикализацию.

Чистые повторы представляют собой структурно-звукоизобразительный способ образования значения множественности. Например, *шап-шап* подр. звуку падающих капель дождя, многократному чмоканию, чавканию, *тарс-тарс* подр. частым и сильным ударами по твердому предмету, *такъ-такъ* подр.

стуку о деревянные предметы, *шувул-шувул* подр. шуму реки, воды, плесканию, *шылт-шылт* подр. звуку шагов по воде, шлёпанье по воде, *чытыр-чытыр* – звук при треске, хрусте, *тыпыр-тыпыр* 'кап-кап', подр. звуку часто падающих капель, *хур-хур* подр. храпу.

Редуцированные повторы отличаются тем, что при редупликации звукоизобразительных корней могут наблюдаться изменения гласной фонемы второго компонента, в результате чего образуется новый тип звукоизобразительных слов. В качестве первых компонентов в таких случаях выступает конкретное изобразительное слово, в качестве второго берется близкое по значению слово или фонетический дублет первого компонента, который отдельно, вне такого сочетания, не употребляется и не имеет смысла. Например, *дань-дунь* подр. звонкому протяжённому удару о металл, стуку по барабану, *шап-шуп* подр. звуку падающих капель дождя, многократному чмоканию, чавканию, *шап-шуп* подр. шлёпанью, хлюпанью при ходьбе по воде, хлопанию и т.д, *гъарт-гъурт* подражание звонкому хрусту, *лап-луп* 'шлёп-шлёп', подр. мельканию. По мнению Б.М.Юнусалиева, данный тип используется для обозначения различия или оттенков в звуковых явлениях.

Аффинированными повторами называются такие повторы, к компонентам которых (к первому, второму или к обоим) прибавляются различные грамматические форманты. Например, *чимир-чимир* подр. ощущению при ознобе, *дангъыр-дунгъыр* подр. грому, грохоту, падению тяжёлых звонких предметов, *такъыр-тукъыр*, *тасыр-тусыр* подр. хрусту, треску.

Лексикализованные повторы – повторы, претерпевшие полную или частичную лексикализацию. Например, *зий-чув* 'шум, преполох', *шыр-сув олмакъ* 'промокнуть насквозь'.

Редупликация играет также важную роль в словообразовании. В крымскотатарском языке в результате удвоения звукоизобразительной основы образованы такие слова: *гъагъа* 'клюв', *вайваламакъ* 'причитать о чём-либо',

кукукъкъуш 'кукушка', *лейлек* 'аист', *тыртыр* 'гусеница', *чырчырна* 'кузнечик', *хахылдамакъ* 'громко смеяться', *хихылдамакъ* 'хихикать'.

Таким образом, редупликация, являясь одним из признаков звукоизобразительных слов, их идентификации, имеет значение интенсивности, многократности действия, придаёт действию/явлению различные оттенки путём изменения гласной/согласной в основе, является одним из способов расширения семантики подражательной лексики путём полного или частичного изменения второй основы редуплицированных форм, а также играет важную роль в словопроизводстве.

9. Типология звукоподражательных корней

Проведение сравнительно-типологического анализа звукоподражательных слов дало возможность выделить следующие классификационные типы:

1) *Дакъ-*, *такъ-*, *дыкъ-*, *тыкъ-*, *дик-*, *дукъ(х)-*, *дюк-*, *чакъ-*, *чыкъ-*, *щылкъ-*, *ныкъ-*, *жыйкъ* – подр. различным стукам (ударам жестких незвонких предметов): *такъ-такъ етмек*, *такъылдамакъ* 'стучать, издавать характерный звук при ударах о деревянную поверхность', *тыкъырдамакъ* 'постукивать, тархатеть', *такъылдамакъ* 'стучать', *дюкюльдемек* 'стучать (о сердце)', *духулдамакъ* 'стучать', *чакъылдамакъ* 'трещать', *чыкъ*, *щылкъ* 'щёлк', *жыйкъылдамакъ* 'скрежетать', *чакъылдамакъ* 'щёлкать'. В данных корнях инлаутный гласный звук является обозначением силы звучания. Инлаутные вариации гласного соответствуют звукам сильного или слабого удара. Анлаутный согласный в семантическом плане указывает на глухость или звонкость стука, удара. Ауслаутный согласный в конце корня передает краткость звучания при ударе о твердые, чаще всего деревянные поверхности. Образование подражательной основы происходит путем присоединения модификаторов *-ал/-ыл/-ул/-юл*, придающих значение продолжительности действия и *-ар/-ыр/-ур/-юр*, придающих значение многократности действия.

2) *Тан-, туп-, тып-, дан-, дамп-, дуп-, сын-, пат-, пут-, шап-, шарт-, чат-, шыт-* подр. топоту, резкому глухому стуку о мягкие поверхности, приглушенному отрывистому звуку: *тан-туп этмек* 'стучать, цокать, топать, капать', *тыпырдамакъ* 'барабанить (о дожде)', подр. звуку шороха, *тып-тып этмек* 'капать', *чатламакъ* 'треснуть', *шарт* 'звук треска, хруста'. В данных корнях дифференциация силы звучания отображается вариацией инлаутных гласных и глухим или звонким анлаутным согласным. Приглушенность звука передается губным взрывным ауслатным согласным *п*, который при присоединении аффикса, начинающегося на гласный звук, может подвергаться озвончению. Например, в крымскотатарском языке, при присоединении аффикса к звукоподражательному корню *тан* образовалось производное слово *табан* 'ступня', в котором звукоподражательное происхождение утрачивается).

3) *Гур-, гьур-, гьыр-, гуд(ур)-, гьид(ыр)-, гьадж(ыр)-, гьудж(ыр)-, гьыдж(ыр)-, гуд(юр)-, гьид(ыр)-, дыр-, зыр-, кьыр-, тар-, тыр-, чыр-* подр. грому, грохоту, тарахтению, дребезжанию и другим шумам, производимым в результате многократно вибрирующих движений, в основном, звонких предметов. В крымскотатарском языке производных, образованных от данных звукоизобразительных форм много: *гурюльдемек* 'гремять (например, о громе)', *гурс этмек* 'грохнуть', *гьырыл-дамакъ* 'скрипеть, хрипеть', *гьырчылдамакъ* 'хрустеть', *гьыджырдамакъ, гьыдырдамакъ* 'звенеть, гремять цепями', *гудюрдемек* 'гремять', *зырылдамакъ* 'брюзжать, бурчать', *кьырылдамакъ* 'бурчать', *кьырмакъ* 'скрести, царапать', *тарс этмек* 'треснуть', *тырылдамакъ* 'тарахтеть', *фырыл-фырыл* подр. звуку при вращении, кружении, *чырсылдамакъ* 'трещать', *чырылдамакъ* 'стрекотать, щебетать', *чертмек* 'чиркнуть спичкой'. Анлаутные согласные и вариативность инлаутных гласных обозначают силу звучания. Гласные используются для передачи глухого раскатистого звука. Звонкие/глухие согласные в анлаутной позиции передают, соответственно, звонкость/глухость звучания. Плоскощелевой *з* в анлаутной позиции, несколько отличаясь в

звукоизобразительном плане от смычных, указывает на более высокую тональность подражаемого звука.

4) *Дань-, дун-, дынь-, дин-, тань-, дангыр-, дунгыр-* подр. звону, звяканью, гулким звукам, ударам по металлическим тяжёлым предметам. В крымскотатарском языке от этих звукоизобразительных форм образуются производные: *дангыр-дунгыр* 'шум, грохот, галдёж', *дынъылдамакъ* 'звон, звенеть, гудеть', *динкильдемек* 'звенеть, звон более высокой тональности', *дангырдамакъ* 'греметь'.

Звукоизобразительное обозначение различных видов звона в крымскотатарском языке связано с акустическими особенностями анлаутного согласного и инлаутного гласного, ауслаутный сонорный *нь(н)* является общим для всех корней с данным значением в звукоизобразительной модели СГС и несёт значение протяжённости, продолжительности звука, звона.

5) *Джань-, зынь-, чань-, чынь-, я(йа)нь-, там-* подр. звукам высокой тональности. В отличие от предыдущих звукоизобразительных слов в крымскотатарском языке можно выделить группу слов, обозначающих различные виды звона с характерным *нь* (иногда *м*) в ауслауте и с *дж, з, ч, й, т* в анлауте: *джаньгырдамакъ* 'звенеть цепями', *зынджыр* 'цепь', *чыньылдамакъ* 'звенеть, звонить', *чань* 'звон, звонок, колокольчик', *чинъильдемек* 'звенеть', *яньгырамакъ* 'звучать', *тамламакъ* 'капать', звук капель высокой тональности.

Звукоподражательные корни данной группы передают звук более высокой тональности, чем предыдущие корни. Анлаутные согласные *дж, з, й* в данных звукоизобразительных формах обозначают звонкий звук, более высокую тональность, звуки *ч, т* обозначают более тихое звучание. Сонорные *нь(м)* в ауслаутной позиции обозначают протяжённость звука. Протяжённость согласных способствует звукоизображению протяженного звонкого звучания.

б) *Тю(у) [к]* - подр. плеванью, *тюкюрмек* 'плевать', *тюкюрлик* 'плевок, слюни', *бетке тюкюрмек* 'оскорблять, проклинать'.

Анлаут звукоизобразительного корня данной группы представлен глухим переднеязычным согласным *t*, инлаут – узким огублённым заднего ряда *y*, ауслаут – глухим среднеязычным *k*. По мнению К.Ш. Хусаинова, в данной модели «несомненно междометное происхождение данного корня, исходя из чего выделяется корень *tu*, соответствующий модели СГ. Физической основой артикуляции, как междометия, так и звукоизобразительного корня является физиологический процесс плевания».

7) *Шыр, шув* подр. звукам журчания струящейся воды, потоку воды. С точки зрения звукоизобразительности, щелевой звук передаёт текучесть, протяженность действия, движения, дрожащий сонорный – продолжительный шумовой эффект.

В крымскотатарском языке подражания звукам воды передаются в основном при помощи звуков *ш/с/ч/щ + p*, образовано много производных слов, претерпевших некоторые фонетические изменения: *шырыл-шырыл* – подр. журчанию воды, *шырылты* 'журчание', подр. звукам струящейся воды, швырканья, *шырылдамакъ* 'журчать', *шыркъылдамакъ* 'шлёпать по воде, шоркать', *шыра* 'сок', *шорба* (северный диалект – *сорпа*) 'суп', *шыр-сув* 'промокший насквозь', *чырыл-*, *чыбыр-* (северный диалект – *щыбыр-*) подр. звукам при жарке, *чыбыртмакъ* 'лить струйкой', *сачратмакъ* 'брызгать', *шапырмакъ* 'взбалтывать, плескать', *чагъламакъ* 'капать, шуметь (о воде), пениться'; *шувул* подражание шуму реки, воды, плесканию, *шувулдамакъ* 'шуметь (о воде), шелестеть', *шувулты* 'шум (дождя, листьев...)', *сув* 'вода', как производное подражательного корня *шув*.

С точки зрения звукоизобразительности, щелевые звуки *ш, с* передают текучесть, протяженность действия, движения; дрожащий сонорный *p* передаёт продолжительный шумовой эффект.

8) *Пыс-*, *пыш-*, *фыш-*, *пиш-*, *фыс-*, *къаш-* подр. сопению, шипению, шептанию, шуршанию, шороху: *пышылдамакъ* 'шептать, шипеть, сопеть, шумно дышать через нос'; *пысылдамакъ*, *фысылдамакъ* 'шептать, сопеть'; *пысылты*, *фышылды*, *фысылты* 'шипение'; *пыст* 'возглас, которым отгоняют

кошку'; *ныш* (*ниш*) 'горячо (дет.)', звук при падении капель воды на что-то горячее, например угли костра, несильно взорваться, выпустить воздух'; *нишмек* 'вариться, созревать', *нысырдамакъ* 'шептать, тараторить', *нысырдашмакъ* 'шушукаться', *нысырды* 'шёпот', *нышнамакъ*, *фышнамакъ* 'запыхаться (дышать с трудом), пыхтеть'; *фышкъырма* 'извержение (вулкана), брызги фонтана'; *фышкъырмакъ* 'бить струёй, извергать'; *ныштав* 'пистолет, пугач'; *фышылдамакъ* 'шипеть, трещать', *къашымакъ* 'чесать'.

В данной группе корней щелевые звуки *ш*, *с* в ауслатной позиции передают текучесть, протяженность действия, анлаутные глухие согласные *п*, *ф*, *къ* передают тихий звук.

9) *Хур-*, *хыр-*, *къыр-*, *фыр-* подр. храпу, хриплым звукам низкой тональности: *хурылдамакъ* 'храпеть', *хырылдамакъ* 'хрипеть', (*къ*)*хырылдавукъ* (*сес*) 'хриплый голос'. Звукоизображение храпа и других хриплых звуков низкой тональности в крымскотатарском языке передается звукокомплексом, в анлауте которого – глухие согласные *х/къ*, *ф*, в инлауте – узкий огублённый заднего ряда *у* и заднерядный узкий, неогублённый *ы*, в ауслате – дрожащий сонорный *р*. В работе К.Ш. Хусаинова «этот состав звуков обусловлен естественными движениями при храпе, хрипе: вибрация мягкого нёба или язычка, приближающегося или прикасающегося к корню языка или к задней стенке носоглотки». Звук более тихого похрапывания в крымскотатарском языке передается звукоизобразительным корнем *фыр*: *фырылдамакъ* 'храпеть, похрапывать, фыркать (о лошади); вспорхнуть (о птицах)', *фырыл* 'звуки похрапывания, урчания, фырканья'. Как видим, данный корень, кроме указанного, может передавать звуки ударов крыльями, соответствующие русскому *фрррр*. Звукоизображение тихого похрапывания достигается использованием переднеязычных взрывных и узкого гласного заднего ряда.

В крымскотатарском языке с прибавлением к звукоизобразительному корню *къыр* модификатора *с* образуются основы-подражания хрусту,

скрежету, хрумканию: *къырсылдамакъ* 'скрести, скрипеть', *къурс-къурс чайнамакъ* 'хрустеть'.

10) *Сыз-, виз-, дыз-* подр. свистящим звукам: *сызгъырмакъ* 'свистеть', *сызгъырыкъ* 'свисток', *сызгъырув* 'свист', *вызылдамакъ*, *виз-виз этмек*, *вызнен кечмек*, *вызыр-вызыр этмек*, *дызылдамакъ* 'свистеть, проезжать со свистом, с визгом'.

Звукоизобразительность основана на акустической характеристике согласных звуков *с/з (в)*, при произнесении которых, как считает К.Ш. Хусаинов, «поток воздуха, проходя через узкую щель между кончиком языка и альвеолами, за счет трения производит шипящий звук. Узкий негубной инлаутный гласный *ы* дополняет подражательный эффект, так как по признаку вертикального положения языка он более близок к щелевому *с/з*, чем широкие гласные».

11) *Ыр-, ар-* подр. рычанию, злобному рывканию. В крымскотатарском языке от звукоподражательных корней *ар-, ыр-* образуются такие производные, как *ырылдамакъ* 'рычать, реветь', *арслан* 'лев', *ыр-р этмек* 'зарычать'.

Основную звукоизобразительную функцию в данных корнях выполняет сонорный вибрант *р*, который в силу своих акустических характеристик способствует подражанию рычанию животных. При имитации естественных звуков в звукоподражательных словах произношение вибранта удлиняется, превращаясь в сплошное дрожащее *рррр*.

12) *Ма-, ме-, бе-, манъ-, мыр-, мыд-* подр. мычанию, бляению. В тюркских языках данные формы образуют ряд глагольных и именных основ: *маламакъ*, *мелемек* 'блеять, мычать', *манърамакъ* 'мычать', *манъкъ* подр. звуку, произнесенному через нос, *манъкъаланмакъ* 'говорить невнятно', *ынъкъ-мынъкъ этмек* 'говорить невнятно' производное *мыдырдамакъ* 'бурчать'.

10. Изучение явления звуко-символизма

Природу звуко­симво­ли­зма пы­та­лись объ­яс­нить с дав­них вре­мен лин­г­ви­сты, фи­ло­со­фы, пси­хо­ло­ги и дру­гие уче­ные, за­ни­ма­ю­щие­ся ис­сле­до­ва­ни­ем про­б­ле­мы про­ис­хо­ж­де­ния язы­ка и мы­ш­ле­ния. Платон от­ме­чал, что звук *p* пе­ре­да­ёт по­рыв и дви­же­ние, *l* об­оз­на­ча­ет что-то глад­кое, *u* – уз­кое, *a* – боль­шое, *э* – дол­гое. Г. Лейб­ниц счи­тал, что звук *p* пе­ре­да­ет силь­ные дви­же­ния, со­про­во­ж­да­ю­щие­ся шумом, звук *l* вы­ра­жа­ет что-то мяг­кое, тихое дви­же­ние. Та­кие же на­б­лю­де­ния встре­ча­ют­ся в ра­бо­тах Ав­гу­сти­на, Х. Гер­дера, В. Гум­больдта, Ж. Ж. Руссо, В. Вундта и дру­гих уче­ных, в ос­нов­ном фи­ло­со­фов-идеалистов.

Пер­вые экс­пе­ри­мен­таль­ные ис­сле­до­ва­ния в об­ла­сти звуко­симво­ли­зма бы­ли при­ме­не­ны аме­ри­кан­ски­ми лин­г­ви­ста­ми Э. Се­пи­ром и С. Нью­эном.

О. Ес­пер­сен, ис­сле­до­вав ряд слов, вы­я­вил, что фо­не­ма *u* во мно­гих язы­ках встре­ча­ет­ся в словах со зна­че­ни­ем 'ма­лень­кий'.

С. Нью­э­н ис­сле­до­вал раз­лич­ные глас­ные и со­глас­ные фо­не­мы, а так­же боль­шой спи­сок слов в ан­глий­ском язы­ке со зна­че­ни­ями 'боль­шой' и 'ма­лень­кий', в ре­зуль­та­те че­го сде­лал сле­ду­ю­ще вы­во­ды: глас­ные рас­по­ла­га­ют­ся по шка­ле в зна­че­нии 'ма­лень­кий' – 'боль­шой' в сле­ду­ю­щем по­ря­д­ке: *u*, *e*, *э*, *a*; глу­хие со­глас­ные им бы­ли оце­не­ны как мень­шие по срав­не­нию со звон­ки­ми, пе­ред­ние - как мень­шие по срав­не­нию с зад­ни­ми; зву­ки свя­зы­вал с их фи­зи­че­ски­ми, аку­сти­ко-ар­ти­ку­ля­ци­он­ны­ми свой­ства­ми.

Зна­чи­тель­ный ин­те­рес к про­б­ле­ме звуко­симво­ли­зма был про­яв­лен та­ки­ми учё­ны­ми, как Р. Браун, С. Эр­тель, Г. Хордман, И. и М. Тэй­ло­ры, Ж. Пе­тер­фальви, Г. Мюл­лер, И. Брэк­билл, К. Литл, М. Май­рон, а так­же оте­чест­вен­ны­ми лин­г­ви­ста­ми – В. В. Ле­ви­ц­ким, А. П. Жу­рав­ле­вым, Е. А. Гур­джи­е­вой, А. Н. Жу­рин­ским, С. В. Во­ро­ни­ным и дру­ги­ми.

11. При­чи­ны воз­ник­но­ве­ния звуко­симво­ли­зма

Изуче­ние звуко­симво­ли­зма в тюр­ко­ло­гии не по­лу­чи­ло ши­ро­ко­го рас­про­стране­ния.

В современной лингвистике существуют три основные причины возникновения звуко-символизма:

1. По мнению С. Ньюмена, Е. Вейрона, М. Бентли, М.С. Майрона и других, в основе звуко-символизма лежат физические акустико-артикуляторные свойства звуков. К примеру, физиологические особенности человеческого организма как открытый рот или сжатые губы производят значения, которые свойственны произносимым таким образом звукам. По мнению Ф. Кайнца, «при произнесении высокого тона в гортани Р. появляется чувство напряжения и тесного контакта, в то время как при произнесении низкого тона голосовые органы оказываются в более расслабленном положении». Т.е., происходит транспозиция одних видов ощущений в другие: моторные – в акустические, акустические – в зрительные и так далее.

2. По теории Р. Брауна, в основе звуко-символизма лежит опыт, приобретённый человеком в процессе его деятельности. Например, движение больших предметов производит низкие и грубые звуки, а маленькие предметы – приятные и высокие. Следовательно, в человеческом сознании высокие звуки ассоциируются с чем-то маленьким, а низкие – с большим.

3. По теории И. Тэйлор, в основе звуко-символизма лежит языковая привычка. Например, если человек часто использует один и тот же звук в словах с одинаковым или схожим значением, этот звук впоследствии ассоциируется с этими значениями.

В языкознании различают субъективный и объективный звуко-символизм. Субъективный звуко-символизм объясняет связь между звуком и значением в психике человека. Объективный звуко-символизм объясняет эту связь исходя из словарного фонда языка. Главным компонентом психофизиологической основы звуко-символизма признана синестезия – когда впечатление, полученное от чего-либо, сопровождается дополнительными ощущениями или образами, например, звуковое восприятие цвета.

Изучением влияния цвета на звук начал заниматься И. Ньютон. Учёный, проводя опыты, установил, что цвет определяется длиной световой волны, или

частотой колебаний, в результате чего предположил, что цвет имеет ту же природу, что и звук.

Далее принцип универсальности цветозвуковых соотношений использовался в XVIII веке Кастелем, Кирхером, Крафтом, Крюгером, Эккартсгаузенем и др. Изучением явления «цветного слуха» занимались известные композиторы: Берлиоз, Лист, Вагнер, Римский-Корсаков, Скрябин, Асафьев. Это дало толчок к новым идеям о природе цвето-звуковых соответствий.

В результате эксперимента А.П. Журавлёва, где испытуемым было дано задание соотнести гласные звуки с определёнными цветами, были сделаны следующие выводы: звук *a* обозначал ярко-красный цвет; *и* – синий, голубой; *o* – светло-желтый; *y* – сине-зеленый; *ы* – черный; *э* – желто-зеленый.

Следовательно, цвет и звук – мощные средства воздействия на психику человека. Сила цвета и звука во многом заключается в том, что они способны действовать на бессознательном уровне.

12. Классификация звукосимволических корней в крымскотатарском языке.

Признаками номинации звукосимволических слов могут служить свойства/качества предметов, явлений, действий, информацию о которых человек получает через зрение, обоняние, осязание, вкус и т.д. В качестве таких объектов чаще всего выступают: движение, форма предметов, цвет, свет, душевное состояние, размер, удаленность и так далее. В крымскотатарском языке выделяются следующие типы звукосимволических корней.

1. *Къап* – в крымскотатарском языке имеет ряд производных: *къапмакъ* 'класть в рот', *къаптырмакъ* 'положить в рот кому-то', *къапу* 'дверь', *къапалы* 'закрытый', *къапатмакъ* 'закрывать, накрывать', *къапакъ* 'крышка', *къапакъламакъ* 'накрывать крышкой, опрокинуть', *къапкъан* 'капкан', *къабукъ* 'кора, шелуха', *къапыста* 'капуста', *къаптан* (северный диалект) 'платье', *козь къапагъы* 'веко', *къапламакъ* 'покрывать', *къаплам* 'покров', *къаплан* 'тигр', *къаплыбакъа*

'черепаха', *къапыджы* 'вратарь', *къапалув* 'эл.замыкание', *къапар* 'взятка', *къаплав* 'обвёртка', *къамачав* 'блокада, осада', *къаврамакъ*, *къаврап алмакъ* 'объять, охватывать'. Приведённые примеры имеют следующие значения: накрывать, покрывать, закрывать, помещать в ёмкость, в пространство, окутывать.

А. М. Газов-Гинзберг, сопоставив слова со значением 'звук хватания ртом' в различных языках, например, в русском *ам (хам), гам*; осетинском *капп*; якутском *ам, ньам, хан*; чувашском *хонп, хып, кап*, отмечает, что эти слова происходят от жеста хватания ртом, при помощи вдоха или выдоха, иногда с голосом.

Л. Н. Харитонов утверждает, что «эти слова происходят от подражания как процессу, так и звуку удара горстью, хватания». По мнению А. М. Газова-Гинзберга, «звук удара горстью, хватания производится тем, что перед самым моментом захлопывания излишний воздух изгоняется из образующейся полости, и затем эта полость замыкается смычкой краев ладони». Чтобы произвести подобный звук, органы речи производят те же механические процессы.

По мнению С. В. Воронина, «при первичной номинации жест хватания рукой «моделируется» в звукоизображении озвучаемым жестом хватания ртом. Семантическая эволюция такова: 'хватать (хапать) ртом' – 'хватать рукою' – 'орать' – 'держать, иметь'».

В крымскотатарском языке данная корневая морфема имеет следующую семантику: хватать ртом, охватывать, окружать, покрывать, закрывать.

Следовательно, в крымскотатарском языке морфеме *къап* необходимо рассматривать как звукосимволическое слово, произошедшее при помощи ощущений тактильной модальности.

2. *Шап/чан(б), шып/сын/сип, зув* – звукосимволические корни со значением быстрого, моментального действия, хлопка. В крымскотатарском языке от данных корней образованы такие производные как: *чан* – 'цап', *чана* 'цапка', *чаналамакъ* 'цапать', *чабик* 'быстрый', *чабиклеимек* 'ускоряться',

чабиклик 'быстрота, скорость', *чапа-чапа* 'быстро', *чапма*, *чапув* 'бег' *чапмакъ* 'бежать', *чабдырмакъ* 'швырять', *шап* 'хлопок', *шапылдамакъ* 'хлопать, аплодировать', *шапылдавлар* 'аплодисменты', *шап этип* 'моментально', *шапалакъ* 'шлепок, удар ладонью', *шапыллатмакъ* 'бултыхать, плескать воду', *шылт* подражание звуку шагов по воде, шлёпанье по воде, *сыпмакъ* 'выскользнуть', *сыпыртмакъ* 'уплетать', *сипирмек* 'мести', *сипиртки* 'веник', *шыпырмакъ* 'сечь, хлестать', *зувмакъ* 'быстро убежать'.

Данный корень выражен звуками *с/ш/ч* в анлауте, *п/б* в ауслауте, в инлауте чаще используется заднерядный гласный *а/ы* (редко *и, у*).

3. *Бнь/инь-*, *ынъкъ/ик*, *кек-*, *къакъ-*, 'икать, пикнуть', *ынкъ этмемек* 'не пикнуть, не издавать ни звука', *ынъкъылдамакъ* 'заикаться, запинаться', *инъильдемек* 'стонать, ныть', производное *чыкърыкъ тутмакъ* 'икать', *кекирмек* 'отрывать', *кекирик* 'отрыжка, отрывание', *кекирдек* 'трахея', *къакъырмакъ* 'харкать', *къакъырыкъ* 'харчок', *оксюрмек* 'кашлять'. Данная группа имеет следующее происхождение по мнению К.Ш. Хусаинова: «при икании наблюдается непроизвольное сжатие мышц горла, резко прекращающее втягивание воздуха, в результате чего издается характерный звук». Данные звуко-символические корни состоят из неогублённых гласных *ы/а/е* и глухих заднеязычных *къ/к*, сонорного заднеязычного *нь*, артикуляция этих звуков как бы повторяет, воспроизводит действие мышц при икании». Употребление в данном случае именно увулярных *къ, нь* объясняется тем, что эти согласные в фонетической системе крымскотатарского языка из смычных согласных являются самыми задними звуками.

4. *Йал-/йыл-* (*джал-/джыл-* в северном диалекте), *лап-*, *луп-*, *лип-*, *пар-* подр. блеску, сверканию, мерцанию. В крымскотатарском языке от данного корня образуются: *ялкъ этмек* 'ёкнуть (о сердце), блеснуть, сверкнуть (например, о молнии)', *йылтырамакъ* 'сверкать, блестеть', *йылтыравукъ* 'блестящий', *йылдырым* 'молния', *йылдыз* 'звезда', *йылан* 'змея', *япмакъ* 'плоский', *яламакъ* 'лизать', *ялдамакъ* 'плавать', *ялдамлы* 'плавный', *ялдавуч* 'поплавок, плавник', *яплатмакъ* 'сплющиваться', *ялын* 'грива, пламя', *ялынаякъ*

'босоногий', *ялкъакъ* 'слизь', *парылдамакъ*, *липильдемек*, *лап-луп* подр. блеску, мерцанию, сверканию, морганию.

В данных примерах основную звукосимволическую функцию выполняют звуки *й*, *л*, которые ассоциируются с такими значениями, качествами, свойствам предметов и явлений как блеск, сверкание, колыхание пламени, гладкое, скользкое, плавное, плоское, сплющенное. По мнению К.Ш. Хусаинова «звукосимволическое обозначение блеска, сверкания за счет сонорных *л/р* в данном случае закономерно, так как, с одной стороны, возникновение блеска является результатом отражения света от гладкой, ровной поверхности, а с другой – артикуляция латерального естественно вызывает тактильное ощущение плоской поверхности». Семантическая вариация инлаутных *а/ы* в звукосимволических корнях *йал* и *йыл*, по-видимому, заключается в том, что первый обозначает более яркий, а второй – менее яркий блеск.

По мнению К.Ш. Хусаинова, «общим звукосимволическим моментом, обозначающим признак номинации, является латеральный артикуляторный элемент, выраженный щелевым сонорным *л*. При артикуляции данного согласного верхняя часть кончика языка сравнительно широкой площадью мягко прижимается к альвеолам, фонационный поток проходит через щели, образующиеся по бокам языка, непосредственное сближение с которой приводит к плотному соединению, как бы прилипанию двух плоскостей». Не случайно в крымскотатарском языке *ялтакъ* означает 'плоский, приплюснутый'.

Таким образом, на основании анализа результатов исследований ряда ученых и в результате анализа звукосимволических корней в крымскотатарском языке, можно сделать вывод, что применяемые учёными разнообразные (в основном экспериментальные) методы помогают выявить феномен звукосимволизма, имеющий универсальный характер.

13. Способы перевода звукоизобразительных слов.

Каждый переводчик сталкивается с проблемой перевода ономастиков в художественной литературе. Основной задачей переводчика является целостная передача содержания оригинала текста с сохранением его стилистических и экспрессивных особенностей средствами другого языка. При этом нужно сохранить национальный колорит оригинального текста.

Звукоподражания используют звуковой состав конкретного языка. Хотя каждый язык и обладает своей уникальностью, звуки речи не могут быть полностью идентичными естественным звукам окружающего мира. Каждый язык по-своему осваивает звучания внешнего мира, и звукоподражания разных языков могут не совпасть друг с другом, хотя нередко обладают сходством. Это также может быть связано с тем, что один народ воспринимает звуковую сторону явления, в результате чего возникает звукоподражательное слово, другой – зрительную, что приводит к возникновению звуко-символических слов.

Как утверждает А.Н. Тихонов, «значение звукоподражаний отличается от значения других слов. Общепринятые звукоподражания имеют постоянный состав. Благодаря этому, они одинаково понимаются всеми говорящими на данном языке». Таким образом, звукоподражания несут общественно осознанное смысловое содержание. Такие звукоподражательные слова обладают одинаковой звуковой формой и значением вследствие долгого коллективного применения.

В текстах письменных художественных и публицистических произведений встречаются лексикализованные и индивидуальные виды звукоподражаний. Если лексикализованные известны всем носителям языка, общеприняты, индивидуальные переданы так, как их слышит автор (каждый переводчик, читатель знаком с понятием «язык автора»).

Лексикализованные звукоподражания имеют устойчивые эквиваленты, иногда далекие по звучанию. Например, *шырылдамакъ* 'журчать, бурлить'. Яваштан дагъ ирмагъы чалкъана, *шырылдай*. (Горный ручей тихонько плещется, журчит).

Нелексистализованные, индивидуальные звукоподражания передаются с помощью транскрипции. Например, *Къурлуйт! Къурлуйт! 'курлык-курлык'*.

Большинство звукоподражаний не имеют устоявшихся языковых параллелей. Задачей переводчика становится поиск подходящего аналога, либо создание нового соответствующего слова. При переводе желательно сохранить основные психоакустические свойства звучания, изображаемого в тексте.

Бомба патлавларындан (взрыв) геми этрафындаки сув къайнамакъта, энъ джесюр денъизджилер биле бу атеш ягъмасы ичинден чыкъалмай чекишелер. (От взрывов бомб вода вокруг корабля кипит, даже самые смелые моряки не могут выйти из-под огня.)

При переводе различных типов текстов звукоизобразительные слова могут остаться без изменений и без соответствующих эквивалентов, отражающих значение ономотопа в языке перевода. В этом случае, перевод слов, передающих национальный колорит и обладающих особой выразительностью в языке, в тексте перевода малопонятен. Для переводчика важно передать в тексте определенные звучания с помощью фонетических, интонационных возможностей языка перевода.

Азбаргъа кирдим. Копеклер *авулдан* (лая) чаптылар. (Вошёл во двор. Лая, подбежали собаки.)

Звукоизобразительные слова в тексте желательно переводить посредством звукоподражаний, соответствующих по основным психоакустическим характеристикам в языке перевода. К примеру, английское слово *thump*, обозначающее громкий звук удара или падения чего-то тяжелого, соответствуют корню *шап* в крымскотатарском языке. Значение слов в обоих случаях совпадает по основным параметрам, таким как резкий, сильный глухой удар, звук при падении, толчок, хлопок, взрыв, низкий и сильный отрывистый звук и т.п.

Нередко звукоизобразительные слова используются в художественном тексте для характеристики личности героя, его эмоционального, физического

состояния в той или иной ситуации, для создания определенной атмосферы. При таком переводе необходимо учитывать не только психоакустические свойства звукоизобразительного слова, но и его способность передавать манеру речи, особенности поведения, эмоциональное состояние человека или животного: Адамнынъ юреги бойле этип *къырыла*, севинчи бойле ольдюриле. (Так сердце человека *разрывается от тоски*, так умирает его любовь).

Арадан учь дакъыкъа кечер-кечмез агъач басамакълардан *тасыр-тусур этип* экинджи къаткъа котерильген адамнынъ къатты адым давушлары эшитильди. (Не прошло трёх минут, как послышались твёрдые звуки *шоркающих* шагов человека, поднимающегося по деревянной лестнице).

В некоторых случаях при перерводе текста встречаются слова, не имеющие аналогов в языке перевода, в таком случае переводчик может перевести безэквивалентное звукоподражательное слово незвукоподражательным, или наоборот, использовать звукоподражание там, где его нет.

Тюштим, къоба ичине кирдим: бом-бош, *чым-чырт*, бунынъ ичине чокътан инсан аягъы басмагъан. – Спустился, вошёл в пещеру: *пусто*, сюда давно не ступала нога человека.

Аваны пулемётларнынъ *тасырдысы* (тарахтение) яра. – Воздух *режет* пулемётная очередь.

В детских стихотворениях и рассказах звукоподражания обычно передаются типичными для "детского языка» словами: Кошеде *тыпыр-тыпыр*, кимдир экен бу ишкыр? – В уголке *скряб-скряб*, кто же этот труженик?

Казалось бы, люди, говорящие на разных языках, должны одинаково воспринимать и передавать, воспроизводить звуки природы. Но в действительности воспроизведение звуков окружающего мира подчиняется разным языковым традициям и зависит от разных языковых возможностей.

КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ РАБОТЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ

(взяты из Порядка применения балльно-рейтинговой системы оценивания знаний обучающихся в ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»)

Система оценивания предназначена обозначить уровень достижений обучающегося на каждом этапе обучения требованиям федеральных государственных стандартов соответствующих направлений подготовки, а также уровень освоения обучающимся компетенций, определенных основной образовательной программой (далее ОПОП).

Контроль качества освоения обучающимся основной образовательной программы предусматривает систему приемов общей деятельности преподавателя и обучающегося, во время которой определяется степень освоения учебного материала, что отображает уровень овладения соответствующими компетенциями.

Объектом контроля качества освоения, обучающимся ОПОП выступают результаты освоения учебного материала разного характера и уровня сложности, предусмотренного рабочей программой дисциплины. В университете действует поэтапная накопительная система оценивания качества освоения обучающимся ОПОП: оценки, полученные за все виды контроля знаний учитываются при прохождении промежуточной аттестации и выставлении итоговой оценки по дисциплине.

По дисциплине выделяются текущий и итоговый (семестровый) контроль. Текущий контроль проводится во время практических, семинарских занятий, консультаций и направлен на проверку знания и понимания материала по отдельным темам учебной дисциплины, формирование конкретных навыков и умений. Пропущенные обучающимся по уважительной

причине лекционные, практические занятия отрабатываются. Повторное проведение мероприятий текущего контроля для обучающихся, которые желают улучшить результат, не допускается.

Итоговый контроль проводится по окончании аудиторных занятий и направлен на проверку соответствия компетенций обучающихся требованиям ОПОП: способности обучающегося осуществлять интеграцию учебного материала, видеть междисциплинарные связи, демонстрировать необходимый уровень приобретенных компетенций и т.д. Итоговый контроль является основанием для проведения промежуточной аттестации и выставления итоговой оценки по дисциплине.

Итоговая оценка по дисциплине выявляет степень выполнения обучающимся рабочей программы дисциплины, активность обучающегося, меру его вовлечения в учебный процесс, уровень полученных компетенций.

Формой проведения итогового контроля данной дисциплины является зачёт. Обучающиеся, которые не явились на итоговый контроль без уважительной причины, считаются непрошедшими промежуточную аттестацию.

Учебными достижениями обучающегося являются: оценки текущего и итогового контроля, а также итоговая оценка по дисциплине. В университете действует 100-балльная шкала оценивания знаний обучающихся, которая переводится в национальную шкалу и шкалу ECTS в соответствии с ниже приведенной шкалой.

Критерии оценивания:

90-100 баллов – «5» «отлично»

оценивается работа, которая демонстрирует прочные теоретические знания в области звукоизобразительности, знание дополнительной литературы. Студент умеет анализировать художественные тексты, выявляя звукоподражательные, звукосимволические слова, определять фонетическую,

морфологическую структуру звукоизобразительных слов, определять их синтаксическую роль. Студент свободно оперирует терминологией данного курса. Подготовил доклад по определённой теме.

82-89 баллов - «4» «хорошо»

оценивается работа, которая показывает наличие у студентов знаний основной литературы и навыков практического анализа художественных и научных текстов. Также следует уделить внимание правильному выполнению практического задания. Допускается 1 ошибка.

74-81 балл – «4» «хорошо»

оценивается работа, которая показывает наличие у студентов знаний основной литературы и навыков практического анализа художественных и научных текстов. Также следует уделить внимание правильному выполнению практического задания. Допускаются 2 ошибки.

64-73 балла - «3» «удовлетворительно»

свидетельствует о недостаточно полном и неглубоком знании материала, невысокой познавательной активности студента на занятиях и о наличии нескольких грубых ошибок, которые свидетельствуют о недостаточно полном и глубоком знании теоретического и практического материала. Практическая работа выполнена не полностью.

60-63 балла – «3» «удовлетворительно»

свидетельствует о недостаточно полном и неглубоком знании материала, невысокой познавательной активности студента на занятиях и о наличии нескольких грубых ошибок, которые свидетельствуют о неполном знании теоретического и практического материала. Не выполнена практическая работа.

Менее 60 баллов – «2» «неудовлетворительно»

допущены грубые ошибки в ответе, выявлено незнание тех или иных тем дисциплины. Практическое задание не выполнено. Не подготовлен доклад.

Для определения уровня освоения дисциплины **«Звукоизобразительная лексика крымскотатарского языка»** и сформированных у обучающихся компетенций, проводится промежуточная аттестация, которая представляет собой зачёт. Он позволяет выявить уровень полученных знаний, умений и навыков, что определяет сформированные компетенции.

ВОПРОСЫ К ЗАЧЁТУ:

1. История изучения звукоизобразительности.
2. Изучение звукоизобразительности в тюркологии.
3. Изучение звукоизобразительности в зарубежной лингвистике.
4. Происхождение языка.
5. Теории возникновения языка.
6. Фоносемантика.
7. Связь языка и мышления.
8. Звукоподражательная теория происхождения языка.
9. Природа и причины возникновения звукоимитации.
10. Мотивированность слова.
11. Звукоподражания и звукоимитация, общие особенности, различия подсистем.
12. Звукоподражательная подсистема языка.
13. Особенности явления звукоимитации.
14. Звукоподражания с психологической точки зрения.
15. Отличие звукоподражаний от наречий и междометий.
16. Фонетическая структура и звукоизобразительная функция корня.
17. Фонетико-морфологический анализ звукоизобразительных корней и основ.
18. Метатеза и вариативность звукоизобразительного корня.
19. Морфологический состав звукоизобразительных основ.
20. Роль звукоизобразительных слов в предложении.
21. Редупликация звукоизобразительных слов.
22. Типология звукоподражательных корней в крымскотатарском языке.

23. Классификация звуко-символических корней в крымскотатарском языке.
24. Способы перевода звукоподражательных слов.
25. Синтаксическая роль звукоизобразительных слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аджимуратова З.Н. Звукоподражания в некоторых названиях птиц и животных в крымскотатарском языке. – Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 56. – С. 42-45
2. Аджимуратова З.Н. Особенности звуко-символических слов в крымскотатарском языке. – Культура народов Причерноморья: научный журнал ВАК Украины. – Симферополь, 2006. – № 96. – С. 129-130.
3. Аджимуратова З.Н. Къырымтатар тилинде такълидий сёзлернинъ пейда олув эсаслары. Такълидий сёзлернинъ кыскъа лугъаты. (Основные принципы возникновения звукоподражаний в крымскотатарском языке. Краткий словарь звукоподражательных слов в крымскотатарском языке. (научная статья на крымскотатарском языке)) – Йылдыз: научный журнал ВАК Украины. – Симферополь, 2006. – № 2. – С. 133-151.
4. Аджимуратова З.Н. Характеристика звукоподражательных слов в крымскотатарском языке. – Материалы IX Международной научно-практической конференции «Наука и образование - 2006», Том 12 «Филологические науки», 2006 г.
5. Аджимуратова З.Н. Синтаксическая роль звукоподражательных слов в крымскотатарском языке. – Материалы II Международной научно-практической конференции «Современные научные достижения - 2006», Том 39 «Филологические науки», 2006 г.
6. Аджимуратова З.Н. Фонетична структура и звукообразительна функция кореня в крымскотатарской мові. – Культура народов Причерноморья: научный журнал ВАК Украины. – Симферополь, – 2007. – № 118. – С. 128-130.

7. Аджимуратова З.Н. Метатеза и вариативность звукоизобразительного корня в крымскотатарском языке. Учёные записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – Симферополь, 2007. – Том 20(59). – № 5. – С. 98-102.
8. Аджимуратова З.Н. Морфемный состав звукоизобразительных корней в крымскотатарском языке. – Культура народов Причерноморья: научный журнал ВАК Украины. – Симферополь, – 2008. – № 141. – С. 100-102.
9. Аджимуратова З.Н. Звукоизобразительная лексика крымскотатарского языка. Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата филологических наук: 10.02.13 / З.Н. Аджимуратова; Институт востоковедения им. А.Крымского НАН Украины. – Киев. – 2008. – 24 с.
10. Аджимуратова З.Н. Сравнительно-типологический анализ подражаний различным стукам в крымскотатарском языке. – Культура народов Причерноморья: научный журнал ВАК Украины. – Симферополь, – 2009. – № 158. – С. 25-26.
11. Аджимуратова З.Н. Сравнительно-типологический анализ подражаний грому, грохоту, дребезжанию и другим шумам, производимым в результате многократных вибрирующих движений предметов в крымскотатарском языке. – Учёные записки ТНУ им.В.И.Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – Симферополь, 2009. – Том 22(61). – № 3. – С. 85-87.
12. Аджимуратова З.Н. Редупликация как один из признаков звукоизобразительных слов. – Культура народов Причерноморья: научный журнал ВАК Украины. – Симферополь, – 2010. – № 182. – С. 20-21.
13. Аджимуратова З.Н. Сравнительно-типологический анализ подражаний свистящим и жужжащим звукам в крымскотатарском языке. – Ученые записки ТНУ им. В.И.Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – Симферополь, 2010 г. – Том 23(62). – № 3. – С. 32-37.

14. Аджимуратова З.Н. Звукосимволическое происхождение корневой морфемы «къап» в крымскотатарском языке. – Культура народов Причерноморья: научный журнал ВАК Украины. – Симферополь, – 2011. – № 199. – Т. 2. – С. 40-41.
15. Аджимуратова З.Н. Подражания различным видам звона в крымскотатарском языке. – Ученые записки ТНУ им. В.И.Вернадского. Серия: Социальные коммуникации. – Симферополь, 2011. – № 3. – Т. 24(63). – С. 13-17.
16. Аджимуратова З.Н. Подражания различным звукам с сонорным «р» в основе слов крымскотатарского языка. - Сборник научных трудов: XVIII Всероссийская 14 научно-практическая конференция «Сулеймановские чтения, посвящённая Году литературы в России и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, Тюменский государственный университет. – Тюмень. – 2015. – С. 105-107.
17. Аджимуратова З.Н. Функциональные особенности сонорного р в основах подражательных слов крымскотатарского языка. - Современное общество, образование и наука: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 марта 2015 г.: в 16 частях. – Часть 11. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком». – 2015. – 164 с. – С. 13-15.
18. Аджимуратова З.Н. Подражания звукам воды в крымскотатарском языке. Ученые записки крымского федерального университета имени В.И. Вернадского филологические науки. 2016 г. Том 2 (68), №3.- Симферополь. - С. 55-60. ISBN: 2413-1679.
19. Аджимуратова З.Н. Подражание звукам воды в сравнении с родственными и неродственными языками. «Дни науки КФУ». 26 октября 2016 г., г. Симферополь.
20. Аджимуратова З.Н. Звукоизобразительная функция шипящих звуков в корнях подражательных слов. Научный альманах. 2017. № 7-1 (33). С. 156-158.

21. Аджимуратова З.Н. Звукоизобразительные корни со значением быстрого действия. – В книге: Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского. Сборник тезисов участников. 2017. С. 495-496.
22. Аджимуратова З.Н. Къырымтатар тилинде такълидий сёзлернинь синтактик вазифелери. "Научный вестник Крыма" в № 3 (14) 2018 г. по адресу: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/299>
23. Аджимуратова З.Н. Такълидий сёзлер ве нидалар арасында фаркълар. Тезисы в сборнике тезисов участников IV научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых учёных «ДНИ НАУКИ КФУ им. В.И.ВЕРНАДСКОГО». 2018. Симферополь.
- Аджимуратова З.Н. Проблема перевода звукоподражательных слов в крымскотатарском языке. Часть 1. Опубликовано статья в международном научном журнале «Язык и текст». Выпуск 2019. Том 6 № 1, МГППУ, с. 126-130.
<http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Adzhimuratova.shtml>
25. Аджимуратова З.Н. Фонетико-семантические закономерности некоторых звуков в крымскотатарском языке. Тезисы в сборнике тезисов участников V научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «ДНИ НАУКИ КФУ им. В.И. ВЕРНАДСКОГО», 2019 г., с. 16-18. http://science-days.cfuv.ru/sites/default/files/2019-11/СБОРНИК_СЕКЦИЯ%20«КРЫМСКОТАТАРСКАЯ%20ФИЛОЛОГИЯ».pdf
26. Аджимуратова З.Н. Проблема перевода звукоподражательных слов в крымскотатарском языке. Часть 2. «Научный вестник Крыма» № 2(20) 2019 по адреу: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/442>
27. Аджимуратова З.Н. Сес тасвирлейиджи лексиканынь огренюв тарихы (I къысым) (История изучения звукоизобразительной лексики) I часть.

- «Научный вестник Крыма» № 2(25), 2020 по адресу: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/582/780>
28. Аджимуратова З.Н. Сес тасвирлейиджи лексиканынъ огренюв тарихы (П кьысым) (История изучения звукоизобразительной лексики) II часть. «Научный вестник Крыма» № 3(26), 2020 по адресу: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/577/775>
29. Ашмарин Н. И. О морфологических категориях подражания в чувашском языке / Ашмарин Н. И. – Казань: Акад. центр. – ТНКИ, 1928. – 160 с.
30. Безденежных Н.Н. Особенности перевода звукоподражательных единиц. // Казанская наука. - Казань, 2010, с.4004-409.
31. Воронин С. В. Основы фоносемантики / Воронин С. В. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 244 с.
32. Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? / Газов-Гинзберг А. М. – М., 1965. – 183 с.
33. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков / Н. К. Дмитриев. – М.: Вост.лит., 1962. – 607 с.
34. Журавлев А. П. «Звук и смысл». Москва, «Просвещение», 1991.
35. Исянгулова Г.А. История изучения подражательных слов и их место в системе частей речи. // Вестник Башкирского университета. Т. 20. №2, 2015, с.552.
36. Краснова А.В. Универсальные характеристики звукоизобразительной лексики и их специфические проявления в турецком языке. Диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / А.В. Краснова; Санкт-Петербург. – 2018. – 186 с.
37. Меметов А.М. История изучения крымскотатарского языка (на крымскотатарском языке) / А. М. Меметов // Йылдыз. – Ташкент, 1988. – № 6. – С.134-143.

38. Меметов А. М. Земаневий кырымтатар тили / А.М.Меметов – Симферополь: Кырым devlet окъув педагогика нешрияты, 2006. – 320 с.
39. Меметова Э.Ш. Кырымтатар тилининъ услубиети [Текст]: (стилистика) / Э. Ш. Меметова; Таврия миллий университети. - Симферополь: Кырымдевокъувпеднешир, 2001. - 144 : ил. - 1000 экз. - ISBN 966-7283-87-9.
40. Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке / Севортян Э. В.– М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. – 642 с.
41. Тихонов А. Н. Междометия и звукоподражания - слова? // Русская речь. 1981. № 5. С. 72-76.
42. Фатюхин В. В. Особенности перевода звукоподражаний и междометных глаголов: дисс. ... к. филол. н. М., 2000. 184 с.
43. Хусаинов К. Ш. Звукоизобразительность в казахском языке: Монография / Хусаинов К. Ш. – Алма-Ата: Наука, 1988. – 232 с.